

НЕЛЬЗЯ, КОНЕЧНО, судить книгу по обложке, но... Представьте, в руки попадает пол-альбомного листа, на нём — компьютерные море, небо, солнце и спасательный круг. На круге надпись — «Сказки Солнцедара». Похоже на билет в морское путешествие. Капитан плавания — Дмитрий Нестеренко.

Место действия

КУДА ПЛЫВЁМ, объясняется очень подробно. По Кубанскому морю в тот самый городок Солнцедар, который подаётся нам как рай на земле в традициях рекламной брошюры: «...есть город, в котором никогда не заходит солнце и круглый год зреют арбузы, бананы и черешня»; «Кубанское море богато на рыбу и всякую другую живность. Какие только существа не встречаются здесь. И морская лисица, и кефаль, и ставрида, сельдь, крабы, тюлени, бычки-такие, бычки-сякие». Уже хочется поехать увидеть?

Вот тут-то и ждёшь, что автор от называния перейдёт к изображению, что, приманив тебя, он таки даст погрузиться в тёплое море, в черешневый воздух... Жди. Атмосфера продолжает оставаться бумажной, и это особо обидно потому, что любовь автора к городу, то, что в его восприятии это и вправду рай, чувствуешь в каждой строчке.

Любители этнографических сведений, впрочем, не пройдут, простите — не прочтут мимо скалы Сикорского, названий рыб и плодов — в духе справочника. Но разве, по большому счёту, читателю важно знать название скалы, если он её не видит? Разве не лучше один раз увидеть, вдохнуть и почувствовать, чем сто раз слышать: «Это есть, это существует и это ой-ой-ой как хорошо!»?

А для этого, наверно, было б здорово от констатации, перечисления перейти к ощущениям, к художественным приёмам. Очень «вкусно» смотрится, например, этот авторский образ: «... поезд вёз нас долгие недели или даже месяцы. <...> у нас закончилась еда и, чтобы хоть как-то заглушить голод, мы высовывали в окошко головы и глотали густой, пропитанный фруктами и шашлыками южный воздух». Хочется присоединиться! Если б пропитать этим

воздухом книгу погуще, то и мы б уже не дума-ли уехать из Солнцедара, приворожённые к нему автором.

Как он сам когда-то приехал издалека и при-ворожился так, что остался навсегда.

Почему это важно

ДА ПОТОМУ, что на Солнцедаре завязана вся книга, все пять небольших историй корнями выходят из него и в него же возвращаются.

Возможно, город — такой же герой, полно-правный (ещё возможней, даже главный), как все остальные. Уж очень он похож на своих ге-роев, или (если главный — город) наоборот.

Герои

ПОХОЖИ, ВО-ПЕРВЫХ, тем, как их нам представляют. Людей Солнцедара, как сам Сол-нцедар, тоже скорее называют, а не описывают.

Рыбаки, дети, бабушки, дворник, три вора — обычное население обычного города, позна-комьтесь. Но... У нас же сказки. И город наш — почти что рай. Как же может что-то быть обыч-ным?

Создавать необычное автор и придумал че-рез имена. «...Во двор одной из школ города — «Солнечной» пришёл поиграть с мячом мальчик Аполлон. Если быть точнее — Аполлон Герма-нович Крокопумпель» (родители называли его Полик). «Живут в Солнцедаре две удивитель-ные бабушки. <...> Старшую, которой уже боль-ше ста лет, звать Крапива Геннадьевна, млад-шую — ей только девяносто в прошлом году исполнилось — Мирослава Кузьминична. А чтобы не зазнавались они от своих необычных имён, солнцедарцы стали называть их бабушками Миррой и Крапой». По всему видно, автор лю-бит особо работать с названиями. То с удоволь-ствием придумает новое, расскажет его исто-рию: «Мама хотела назвать Степаном, а папа — Тимофеем. Сошлись на Степанофее. А что, интересное имя <...> Вот у меня знакомый есть, у него родители тоже затейники, назвали его Васиваном — это значит и Вася, и Ваня. А отече-ство вообще — Ярополкович»; «В одном из округов этого замечательного города — Вишнё-вом жил парень по имени Маврик. Такое имя ему дали оттого, что, когда он родился, во всём городе выключили электричество. И мама, ког-да взяла на руки этого нового маленького чело-вечка, сказала: — О боже, какой же он тёмный, прямо мавр». То просто всю информацию о нравственном содержании чего-либо вложит в название — например, колоритная чёрная ды-

ра, которая открывается в доме, где постоянно ругаются, и начинает втягивать в себя шкафы, цветы и кошек (проще говоря, словами автора «мир, в котором всё зло обитает»), называется Мухоморье.

Это похоже на древнее-древнее представле-ние: объяснить явление — значит объяснить его название; язык фиксирует наши представления о мире и т. д. Для детей, возможно, это актуаль-но, хотя взрослому глазу на первый взгляд — перебор.

В этом ряду названий начинает казаться, что город Солнцедар — несуществующий, что с ним как с Мухоморьем — просто название места, ко-торое дарит тепло, свет и сказки, где сосредото-чено добро и авторская мечта.

Однако то, как описаны и город, и герои, прямо-таки втягивает нас из сказки в реаль-ность.

На уровне города это были скала Сикорского и сведения о флоре-фауне края; на уровне лю-дей — прям-таки натурализм в передаче речи: «Не видать р-р-рыбо, — с лёгким акцентом ска-зал китолов. Как-никак он был норвежец и боль-шую часть жизни говорил на норвежском язы-ке. — Спит, малышко»; «...он <...> запел свою волшебную песню о чём-то прекрасном на своём горном языке: — Нема више сунца-а-а-а, нема ви-ше месеца-а-а-а <...> ничег више нема йо-и-йо...» — между прочим, это поёт волшебник. Зо-вут его Горан и живёт он в горах, как можно дога-даться. Ещё «От Автора» нам сообщают, что «кстати, живут в Солнцедаре самые разные наро-ды — кубанцы, плавунцы, горцы, русские всех мастей и пород и, конечно, самый большой и многочисленный народ города — умельцы». Вол-шебников, видно, относят к последним.

Так вот, на уровне людей повторяются те же ощущения, что и с городом. Авторский глаз, как камера, честно заснял всё, что видел, всех, кого видел, назвал, зафиксировал. Но захотелось со всеми поздороваться за руку.

Да, забавно говорит норвежец, а чем ещё он от меня отличается? Чем, кроме названия, отли-чаются от меня кубанцы? Чем, кроме имени, от-личается от меня Степанофей?

Представилась вдруг почему-то познаватель-ная книжка для детей России о детях и взро-слых Кубани и Солнцедара, в частности. И о рыбах. И о скалах. Но в такой книжке опять-та-ки надо не называть, а знакомить за руку. Иначе будет компьютерное и внутри, и на обложке.

Ведь придумал же автор горному волшебни-ку «чёрные кучерявые штаны из бараньей шку-ры», совершенно восхитительные, только тоже издают странные звуки (впрочем, в горах куда

же без «А-а-а-а!», «О-о-о-о!», «Э-э-э-э! Ого-го-о-о!»?). И «шерстяные вязаные плавки» — вроде и выдумка, но очень правдивая. После этого только истории о традиционных горских шапках не хватает.

Но книга, впрочем, не об этом. Если это сказки — значит, наверное, цель всё-таки не окружающий мир? То есть не совсем окружающий. Или не только окружающий — иначе зачем вся необычность названий, все чудеса, интересности? Или в этом и соль — переплести чудеса и реальность?

Сказка или былль

САМ АВТОР ГОВОРИТ нам, что сказки его — очень даже реальные случаи, с реальными же солнцедарцами происшедшие ими же ему, автору, и рассказанные.

Полное ощущение, что это так, от первой сказки. С забавным названием «Акула, которая заблудилась» (названия, повторим, определённо авторский конёк). В ней нет чудес. Она — просто случай из рыбацкой практики. Как в море Кубанское заплывла акула определённой породы, которую, естественно, все испугались, а опытный рыбак раскрыл им, что она не опасная. Очерк прибрежной жизни. Отсюда отношение к тексту как к хронике? «Есть <...> даже одна маленькая акула, которую местные жители называют катраном. Для человека эта рыба безобидная. Редко она вырастает даже до середины кубанского леща. Но рыбаки рассказывают, что когда-то давным-давно в море заплывла настоящая акула. <...> Было это сто или даже двести лет назад. Первой акулу увидел рыбак Богдан Костюшко (имя, заметим, нехарактерное, скорее всего — настоящее). Он выходил в море на старом, доставшемся от деда баркасе и ставил сеть». Вот где точно не сказка и где хочется лодки Костюшко глазами акулы, солёной воды в жабрах, рассказа норвежца о том, что в Солнцедаре он впервые попробовал суп из бананов, а в Норвегии нацкухня такая-то...

Чудеса прибывают во второй сказке «Волшебный фонарик», где всё начинается вполне реалистично: город зарастает мусором. Его, конечно же, хотят переименовать в Грязедар или Мусорск. Но появляется главный герой — Маврик, становится дворником, находит волшебный фонарик и фонариком превращает всю грязь в вещи нужные и красивые. Кажется, этот Маврик — лучший друг автора (в реальности), но ситуация уже утопичная.

В третьей сказке «Кучерявые штаны» и вообще появляется волшебник, и эти его штаны за-

дают шороху во всём городе. В четвёртой мальчик ловит ветер в банку, в пятой две бабушки-волшебницы спасают из волшебного мира злую кошку. Всё-таки чудеса, всё-таки сказки.

И чем дальше, тем меньше они похожи на очерки из жизни конкретного города, тем больше оторваны от этой реальной обстановки. Тем не менее кажется, что автору важно, что всё творится именно в Солнцедаре, потому что сказки могут происходить только здесь!

На этом фоне главной сказкой смотрится история его собственной семьи. Люди северные от жёлтого снега и чёрных заводов вдруг попадают в южное, тёплое, яркое — конечно, это и стало раем, это и стало сказкой, личной душевной Дмитрия Нестеренко (этих его впечатлений и ждёшь побольше). А самое сказочное: «...когда главный правитель Солнцедара понял, что мы не понарошку любим город и обратно уезжать не собираемся, подарил нам свой дом в самом центре города, а сам переехал в маленькую квартиру на окраине. Да-да, и такое бывает в жизни». Вот почему никогда не получится «Сказок Москвы»...

И вот откуда, наверное, столько добра и столь сильный заряд позитива у Дмитрия Нестеренко.

Твори добро

ДОБРОМ, СОЛНЦЕМ город пропитан совсем, как положено по названию.

Не говоря уж о позитивных героях, даже воры оказываются не такими уж плохими. Ну как может быть злым молодой воришка, похожий лицом на енота? Ну и пусть смеётся он неинтеллигентно: «бу-га-га». А за это в совокупности — бу-га-га плюс енот — его зовут Бугенотом. Украд штаны у волшебника Горана, воры в результате всё же извиняются и исправляются.

Не таким уж злым оказывается Злобный Фигус — главный из страны зла в последней сказке. Ведь на самом деле все гадости он творит оттого, что одинок и никто его не любит.

Даже кровожадные акулы в Кубанское море не заплывают. Заплывшая к ним акула — травоядная. Главная её примета — весь рассказ она *улыбается*. И вообще её специальность — «нянчить» других рыб.

Если зло и случается в этом мире, то только потому, что «в детстве ни мама, ни папа им не говорили, что воровать — не только не хорошо, но даже очень и очень плохо»; «мамы и папы не объясняли своим детям, что мусорить — нехорошо. Что это некрасиво и вредно городу и земле, на которой они живут».

А исправляется зло в каждой сказке на редкость быстро и просто.

Мечта? Так и должно быть в детских сказках?

Вообще-то есть главное (в смысле в книге есть главное), что должно быть не только в детских сказках, но в каждом человеке, а в детских сказках особенно, — непобедимая вера в добро. В то, что оно может и должно быть сильным. Его так много и оно столь тёплое здесь, что искупает все недостатки.

Просто стыдно ругаться! (Мама с папой говорили, что, когда к тебе со всей душой — язвить душу нехорошо.)

Это могла быть книга, за которой лезешь на полку, как за витаминами. Терапия добром. Вот только кто полезет — ребёнок или взрослый — честно говоря, вопрос.

«Эта книга для чтения взрослыми детям»

— ТАК СФОРМУЛИРОВАЛ автор.

Вроде бы какие вопросы? Сказки, добрые, простые — значит, детям.

Но для кого тогда некоторые детали: «— Я сделаю город чистым, — сразу заявил он главному дворнику Солнцедара Евпатию Мусору-Рылееву и потребовал самую большую метлу и ведро для мусора. — И-эх, — крикнул на это главный дворник и спросил, как зовут будущую „грозу мусора и пыли“. — Мавр Афанасьевич Крузенштерн, — гордо ответил ещё не дворник, но уже идейный борец с грязью на всех её уровнях. — Ну что ж, — прошипел в ответ его будущий начальник, — большому кораблю — большое плавание». Судя по описанию, экологическая ситуация в Солнцедаре требовала, конечно, революции... но здесь, в тексте, она для того, чтоб мама, читая, улыбнулась и, может быть, объяснила; «для чтения взрослыми» всё-таки.

Создавая сказки, автор всё равно не может отделаться от несказочных проблем: когда он с родителями поселился в Солнцедаре, никто не называл их «Понаехавшими тут»; когда он рассказывает, как рыбак Богдан Костюшко ставил сеть, обязательно надо сказать: «Тогда, давным-давно ещё ловили сетями, и это не считалось браконьерством. Потому что в те далёкие времена рыбы много не ловили. Так, на еду да немножко на продажу. Люди-то не жадные были».

И что — разве кто-то считает, что дети проблем не видят и не способны их понять?

Да нет, если проблема живёт — значит, живёт и для детей и может быть в детской литературе; правильно говорят, что нельзя считать читателей глупее себя, даже маленьких.

Но объясняются все проблемы тем, что родители не объяснили, что такое плохо, нам, людям — главным источникам проблем. Видится мама, которая читает и думает — как бы так объяснить ребёнку, чтоб у него проблем не было; всё объяснить... И видится Дмитрий Нестеренко, который пишет и для себя тоже, и, может, для себя у него другие объяснения, но детям надо просто сказать: «Не делай так».

Он и говорит. Прямым текстом. Из его сказок, как из басен, можно извлечь — в смысле отделить от текста и выучить отдельно — мораль. В типологии авторов, существуй такая, его бы назвали «учитель». Тогда всё-таки «для чтения детям» — потому что взрослых попробуй чему-нибудь поучи...

Это со стороны содержания, а по форме: кажется, что язык здесь тоже сознательно упрощён — для детей, чтоб поняли. Так как же всё-таки — дети глупее нас или нет?

Если мы почитаем Гофмана, Кэрролла, Ковалю, Погорельского, то увидим, что язык вполне себе метафоричен, метонимичен, олицетворён. И читать при этом интересно и детям, и взрослым. Что по форме, что по содержанию.

Так вот, никто никого не глупее. Просто надо не бояться говорить о том, что действительно важно, греет оно душу или жжёт, и теми словами, какими хочется. А детская книжка выйдет или взрослая... Вот Гофман детский или взрослый? Может, тогда надо оставить вместо «написанное по-детски» и «по-взрослому» категории «написано плохо» и «хорошо»? Потому что кажется, автор как-то зажат, нерешителен. Как будто считает, что детская литература — это рамки. И действительно строит рамки и себе же мешает ими.

Ну вот: теперь рецензент превратился в учителя, правда? Вот видите: в художественном тексте тем более лучше не поучать, а творить... Впрочем, универсальных законов о том, что можно в художественном тексте, что-то не видется...

Мёд после дёгтя

ТЕПЕРЬ О ТОМ, что, кажется, лучше всего получилось. И об этом надо сказать обязательно.

Это последние две сказки.

«Ветер в банке»

— В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ автора зацепляет с названия.

А потом начинается осень. В Солнцедаре она не тронула ни арбузов, ни магнолий — для них лето как было, так и есть. Но какая тоска для школьников! И как верно понята.

Мальчик пинает мяч на школьном дворе. Но мяч отбирает ветер. Начинает сам с ним играть, хулиганить.

Мальчик приманивает ветер другой игрушкой, ловит и запирает в банку. Приносит домой.

«После нескольких часов, проведённых в неволе, ветер, поначалу едва различимый, полупрозрачный, стал тёмно-серым. Теперь он походил на какую-то грязную медузу или маленькое привидение. Мальчик подошёл к кровати и встряхнул банку. Пленник ударился о стенку трёхлитровки и упал на дно.

— Эй! — позвал его юный футболист и снова встряхнул банку, но ветер уже не поднялся.

Аполлон не знал, что делать. С одной стороны, проказника-ветра ему было жалко, он хотел отпустить его. С другой — он не хотел, чтобы ветер снова воровал чужие вещи и издевался над их владельцами.

И тут в окно кто-то постучался. Полик посмотрел во двор и увидел, что в стекло бьётся ветка финиковой пальмы. Он повернул защёлку, и оконная створка едва не сбила его с ног. В комнату ворвался сильный, пахнущий морем ветер».

Конечно же, это отец ветра маленького. Апофеоз идеи ответственности родителей за детей, так любимой автором. Но наконец-таки в образном виде и оттого очень трогательно! «Вы когда его домой принесёте, дайте ему чай с мандаринами. Мне после тренировки помогает» — советует мальчик, пока ветер-папа, как на руках, выносит сына из комнаты.

Простите за мысли несказки недетям: а если б ветерок умер? И ведь никто не хотел ничего плохого...

И снова про «погоду в доме»

В СКАЗКЕ «Бабушки и Хвостунья» именно от ссор, ругательств и прочего грозowego климата

появляется чёрная дыра, которая затягивает в себя все ближайшие предметы — как неодушевлённые, так и с душой. И если прекратить ругаться — она закроется, и предметы исчезнут уже навсегда.

Представляете, что бы фантаст для взрослых из этой идеи сделал?

Внутри дыры, как уже говорилось, мир. Темнота, пахнет дымом и мёртвые мухи. А в центре мира — опаньки! — фикус. Фикус вялый и грустный: его забывали поливать, он стал злым и создал этот мир — Мухоморье.

Зло, возникающее от одиночества и чувства ненужности, — тоже не такая простая идея. И вызывает соответственно не такие простые чувства — когда и антигерой, и всё равно жалко. Даже кошка, которую туда засосало, говорит: «Меня тут не обижали, если что». Значит, всем нам — и злу в виде фикуса — «было б только с кем поговорить».

Здесь автор не начинает рассуждать о своей же идее и поучать (по крайней мере, совсем уж много) — и идея работает.

Вывод

ВСЁ-ТАКИ ДА, а не нет.

Скорее да, чем нет.

В начале книги пациент скорее мёртв, чем жив. В конце — скорее жив, чем мёртв.

И так как он обещает написать продолжение, то хочется, чтоб был совсем уж жив. Прочие указки, нужные ли ненужные, разбросаны по тексту. Так что здесь скажем лучше так (словами уже появлявшегося Ковалёва): детскую литературу надо писать для юного Пушкина. Это и требование, и в то же время полное самовыражение.

Но главное — не потерять свой свет и добро. Приумножить и вложить в сказки так, чтоб они заражали.